

Пора выбираться из медвежьего угла

Ни для кого не секрет, что Новый драматический театр — один из самых проблемных столичных коллективов.

Взять хотя бы его месторасположение — вблизи Лосиногостовского острова, куда даже метро не дотягивает. Но помимо этих внешних факторов, есть и внутренние, которые с переменным успехом пытаются преодолеть художественный руководитель театра Вячеслав ДОЛГАЧЕВ, начавший в этом качестве свой третий сезон. Сезон, кстати, стартовал с конфликта, который зафиксировали телекамеры на очередном сборе труппы. Часть актеров высказали худруку ряд претензий. Прокомментировать это в начале разговора наш корреспондент попросил Вячеслава Долгачева.

— Честно говоря, я не думал, что это будет темой нашей беседы.

— Единственной темой, конечно, не будет, но факт имел место.

— Мне это вообще малоинтересно.

Я думаю, что любая смена руководства не может нравиться всем. По сути, это смена театра. Ведь театр — не вывеска, не здание, это некое сообщество, которое так или иначе складывается. Когда мне предлагали возглавить Новый драматический, я уже знал, что там есть тенденция к «съеданию» режиссеров, худруков. Все руководители театра, которые были до меня, имели такие же проблемы с этой труппой. Даже во время замечательного руководства Бориса Львова-Анохина многие критики утверждали, что одна из основных проблем театра — это не вполне сильная труппа. Неслучайно тот же Львов-Анохин приглашал на роли Оксану Мысину, Марину Яковлеву, Веру Васильеву и других. И в этом смысле я не делаю ничего такого, чего не было раньше.

— В чем заключается суть актерских претензий?

— Она постоянно меняется с каждым моим шагом. А если говорить по существу того, что происходит, то людьми руководит страх, они защищаются, подтверждают свой профессионализм иначе не могут. Это, в общем, нормальные вещи, и происходит они во всех театрах, только в разных формах. Поскольку мы живем, по словам Юрия Лужкова, в «медвежьем углу», то там соответственно проявляются медвежьи замашки. Люди утрачивают элементарную этику, человеческую и профессиональную. При виде камер они разъяряются и начинают кричать. Но это же сейчас где угодно происходит.

Некоторые артисты заблуждаются, предполагая, что именно они должны что-то решать в театре. Мой учитель Георгий Товстоногов говорил, что режиссер — это генерал, а театр — армия. Только в этом случае организм будет функционировать. Если же солдаты начнут решать, пора идти в наступление или нет, думаю, ничего хорошего из этого не получится. В Новом драматическом некоторые артисты считают, что они должны принимать участие в выборе пьесы, распределении ролей, раздаче званий. Но я спокойно к этому отношусь, потому что их меньшинство: порядка десяти человек из 46 артистов труппы. Остальные меня поддерживают.

— Работы на всех не хватает?

— А ее никогда на всех не хватает. Это вещь объективная. Хотя когда я пришел в театр, то дал работу всем, по крайней мере, репетиционную. Но один спектакль так и не вышел из-за непрофессионализма актеров.

— У вас есть артисты, которые вообще не заняты?

— Конечно. Они во всех театрах есть, мы — не исключение. Есть артисты, которые и не хотят быть заняты. Почти все они имеют работу на стороне, причем совершенно нетеатральную: кто недвижимостью занимается, кто извозом. И поэтому вызов на репетицию лишает их основного заработка. Но уходить из театра они не хотят. Во-первых, приятно представляться артистом, звучит интеллигентно. А во-вторых, это хобби такое: раз в месяц выйти на сцену и что-то сыграть в свое удовольствие. В результате театр превращается в санаторий, профилакторий или кружок кройки и шитья. И у меня нет никакого инструмента, чтобы это изменить.

— В условиях стационарного театра это вообще вопрос острейший. Есть ли варианты его решения?

— Я думаю, что нужно менять законодательство, потому что действительно это трагедия всех театров. К сожалению, этот вопрос никак не решается. Каждый год нам обещают,

что будет принят закон, который всех творческих работников выведет на срочный договор. Собственно, в преддверии этого некоторые мои артисты, пугаясь и дрожа, беспокоясь за свое будущее, и начинают войну с человеком, который приветствует подобные вещи и очень на них надеется.

Понимаете, не существует индустрии навсегда. Диплом — это не панацея от всего на всю жизнь. Если певца теряет голос, она уходит со сцены. В драме же почему-то считается: если артист может говорить и немножко двигаться, то он способен играть. Забывая о том, что основным инструментом драматического артиста является энергетика. Почему-то считается, что у драматического искусства размытые критерии. Это неправда. Есть вещи объективные. Всегда видно: тянет артист или нет, есть ли у него энергия, может ли он заразить ею зрительный зал. Это профессиональные дела.

Кроме того, мне кажется, сегодня мало кто понимает, что артистов должно быть меньше, а обслуживающего персонала, администрации, менеджеров гораздо больше. Так происходит во всем мире. Я увеличиваю количество тех, кто занимается производством и продажей, вызывая тем самым недовольство старой части труппы. Вообще, я часто сталкиваюсь с тем, что некоторые люди живут в другом времени, в другом измерении и не хотят видеть изменений в социуме. Это медленный процесс. И я не настроен что-то быстро изменить. Хотя очень многое уже удалось сделать.

— Что вы сами относите к достижениям?

— В театре, с моей точки зрения, очень творческая и живая атмосфера, много работы, репетиций. Мы интенсивно выпускаем спектакли, ездим на гастроли. Скоро отправляемся в Финляндию. Были в США. Есть приглашение поехать на фестиваль в Лос-Анджелес со спектаклем «Двадцать разгневанных мужчин». Летом едем на фестиваль в Женеву. У нас сильно увеличилась посещаемость, билеты стали продаваться через кассу, что в нашем положении — событие. В прошлом сезоне появились аншлаги. В этом году будем играть выездные спектакли в Театре «Эрмитаж» и опять появившись на московском небосклоне. Но это не есть самоцель. У нас другая задача — построить свой театр.

— Причем построить в прямом смысле этого слова?

— Префект СВАО Ирина Рабер не хочет отпускать театр из своего округа. Мы с этим абсолютно согласны. Она провела большую работу, нашла место для застройки — в двух минутах ходьбы от станции метро «ВДНХ». Это должно в корне изменить жизнь театра, потому что район ВВЦ — вполне цивилизованное место. Мэр Москвы Юрий Лужков подписал необходимые документы. Найдены и утверждены инвесторы, так что здание театра будет строиться не на государственные деньги. Сейчас идут всевозможные согласования. Мы надеемся, что чиновники, от которых все зависит, поймут нас и поддержат. Если все пойдет по плану, в конце декабря начнется строительство, которое займет ровно год. И при благоприятном стечении обстоятельств в январе 2005 года театр встретит свой 30-летний юбилей в новом здании. Там будет зал на 500 мест, две репетиционные площадки и все, что необходимо театру.

— Помещение на улице Проходчиков опустеет?

— Нет. Там есть свой зритель, хотя его немного. Но два дня в неделю мы сможем и там работать. То есть театр увеличит свои мощности и сможет обеспечить нормальную жизнь своим артистам и сотрудникам.

В. Долгачев

— Пока спектакли по-прежнему идут только в выходные дни?

— В этом сезоне начнем играть четыре раза в неделю, с четверга по воскресенье. Плюс два раза в месяц в «Эрмитаже». В общем, стараемся выйти на уровень нормально работающего московского театра.

— Два года назад вы мне говорили, что, воздав театр, отчасти потеряли творческую режиссерскую свободу. Вы к этому относитесь болезненно или спокойно?

— Вы знаете, спокойно. Мне очень нравится моя должность и та мера ответственности, которую я на себя взял. Хотя это тяжело. Восклицанию по ночам: ужас, кошмар! Воскакиваю и не знаю, как заснуть, потому что на меня наваливается огромное количество проблем. Что же касается творческих планов и «наступления на горло собственной песне», то это не совсем так. Конечно, я думаю и о Чехове, которого пока не могу здесь поставить. Для этого сначала нужно найти общий язык с труппой. Но я ставлю все, что хочу. Ни одно из названий не было мне навязано.

— В своей деятельности вы рассматриваете на молодых — режиссеров, актеров, драматургов, зрителей?

— Конечно. Например, я очень нацелен на молодую режиссуру. Я на своей шкуре испытал, что такое «пробиться», как это трудно. Сегодня, к счастью, молодых значительно легче. Я вижу интерес к ним, их востребованность. Но благодаря критике, у нас выдвинулось три-четыре имени, которые уже начали таскать в хвост и в гриву. Но не исчерпывается же этими именами все молодая режиссура. Есть и другие. Я не хочу в очереди стоять, я своих найду. Нашел Андрея Прикотенко и очень им доволен. Кстати, на его «Эльсинор» ходит молодежь и потому, что тамлет молодой. Я давно об этом мечтал. Буду еще искать совсем молодых. Надо давать им дорогу, иначе после нас опять будет дырка.

— Я знаю, что и труппа значительно омолодилась.

— Да, в прошлом сезоне я взял 11 человек, в этом — еще двоих.

— Некоторые из них являются выпускниками актерского факультета Международного славянского института им. Державина. Что это за учебное заведение?

— Я ничего о нем не знал, пока не объявил просмотр выпускников театральных вузов. Пришли дипломники этого института, и оказалось, что их показ был лучшим. И я вам скажу почему: там работают педагоги из всех московских театральных школ — Щукинского и Щепкинского училищ, Школы-студии МХАТа, даже ВГИКа. И все самое лучшее, что есть в практике этих вузов, в Славянском институте представлено. Идет такое смешение кровей. Сегодня, мне кажется, некая консервация театральных школ служит им дурную службу. Студенты разных вузов очень похожи друг на друга. Существует узконаправленная селекция, и обучение такое же. Я почти везде работал, так что это хорошо представляю. В результате ректор института и декан актерского факультета предложили мне набрать курс. Этим летом я набрал курс-студию в количестве 25 человек. Занятия будут идти на базе Нового драматического театра, станем готовить следующее поколение.

Кувшинура — 2003 — 25 сент. — 1 окт. — с. 11